

УДК 130

Раздина Е. В.

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРОЦЕССАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

В статье исследуется динамика политических трансформаций, вызванных современными процессами глобализации. Рассмотрены проблемы мировой политической системы в контексте современного дискурса. Выявлены проблемы формирования современного мирового порядка.

Ключевые слова: глобализация, мировой порядок, мировая политическая система.

У статті досліджено динаміку політичних трансформацій, що викликано сучасними процесами глобалізації. Розглянуто проблеми світової політичної системи у контексті сучасного дискурсу. Визначено процеси утворення сучасного світового устрою.

Ключові слова: глобалізація, світовий устрій, світова політична система.

In this article we research the dynamics of political transformation caused by modern processes of globalization. We consider the problems of world political system in the context of contemporary discourse. We also identify the building the modern world order processes.

Keywords: globalization, world order, world political system.

Современный новейший этап развития мировой политической системы характеризуется комплексом взаимодействия множества суверенных государств и негосударственных субъектов, объединенных разбалансированным мировым порядком, находящимся в стадии формирования. В результате объединение разнонаправленных важнейших тенденций развития, присущих современному миру, выражает наличие объективных противоречий внутри системы международных отношений. Их наиболее общими и очевидными проявлениями принято считать проявления социально-политической интеграции и дезинтеграции – глобализации и регионализации, что проявляется сегодня практически во всех регионах мира [1, с. 32]. В последние годы среди специалистов в области международных отношений стало преобладать мнение об обусловленности императивов мирового порядка XXI века значительными «изменениями состава, функций и ролей главных акторов мировой политической сцены» [2, с. 45], что стало результатом глобальных последствий системных кризиса управления, присущего суверенным властным структурам, и кризиса социального порядка. Как следствие, трансформация системы отношений мирового порядка, вероятно, происходит из-за преобладания в их развитии факторов глобализации: в мире появляется все больше «проблем, которые не могут быть разрешены в условиях существования государственной территориальности и государственного суверенитета и требуют как минимум частичного от них отказа. Речь идет прежде всего об обеспечении... коллективной безопасности... защиты прав человека... стабильного экономического... развития. Сами же эти проблемы связывают с... проявлениями глобализации» [2, с. 46].

Изменчивость, разнообразие и все большая динамичность развития мировой политической системы порождают сложность ее исследования с целью принятия политических решений. Тенденциям и процессам глобализации сегодня посвящены научные дискуссии в предметных полях философских, политических и экономических наук и пограничных дисциплин. В научной литературе рассматриваются закономерности трансформации современного политического порядка, изменения места, роли и основных функций его основных субъектов, проявлений феномена нации-государства как основного субъекта Вестфальского порядка и распада последнего, создания новейших форм интеграции и дезинтеграции, глобализации и регионализации и др. Вместе с тем представляется актуальным исследование тенденций трансформации функциональной конфигурации современных институтов власти вообще и международных в частности. Они представляют собой соответственно объект рассмотрения и предмет данной статьи.

Мировой порядок – понятие, выражающее идею организованности системы международных отношений, упорядоченности внешнеполитических действий их субъектов и структуры мировой политической системы. Мировой порядок подразумевает обусловленность общими универсальными принципами и закономерностями политических действий субъектов, наличие во внешнеполитической деятельности согласованности и, следовательно, предсказуемости, существования единых форм политической жизни и единых императивных норм предписывающего и ограничительного характера. Мировой порядок может быть более или менее централизован; ему присущ конкретный комплекс средств, приемов и процедур организации и контроля, обеспечивающий постоянство элементов и единство принципов и процедур функционирования. Таким образом, мировой порядок существует в однополярном, биполярном и многополярном видах структуры.

Современный мировой порядок, который, вероятно, существует с XVII века и сегодня распадается, принято называть Вестфальским – он стал складываться в Европе, а потом за ее пределами, после подписания 24 октября 1648 г. Вестфальского договора [2, с. 45], провозгласившего нацию-государство главным субъектом власти, базирующимся на принципах территориальной суверенности [3, с. 124]. Соблюдение указанного принципа позволяет считать, что Вестфальскому порядку не противоречили изменения, вносимые Венским конгрессом 1815 г., Версальским договором 1919 г., созданием ООН в 1945 г., в контуры «Вестфалии» вписывались и Версальский, и Ялтинско-Потсдамский порядки [2, с. 45–46]. «Вестфальский порядок открыл путь к становлению системы территориально организованных, конституционно независимых государств, которые имели самостоятельные властные полномочия в пределах своих границ. С идеей суверенитета связан и принцип нерушимости государственных границ... и признание одного государства другим как самостоятельного, независимого, полноправного субъекта международных отношений» [2, с. 46].

Вероятно также, что и исторические контуры миропорядка в виде расстановки основных политических сил на мировой арене (тогда – в Европе) стали очерчиваться

к первой половине XVII века. Мировым лидером был признан Папа Римский, далее по значимости – турецкий султан, австрийский император, короли Испании, Франции и Англии. В XVIII веке Австрия и Турция ослабили друг друга на Балканах, а Голландия – Испанию. После Семилетней войны в мировые лидеры вышла Британия (победами в Индии и Канаде), в первом ряду мировых держав расположились Пруссия (завоеванием Силезии), Россия (присоединением прибалтийских территорий и разделом Польши) и Франция «короля-солнца». Эти пять государств лидировали в XIX веке – до начала XX века Россия и Британия вершили судьбы Европы, считаясь с интересами Франции Наполеона, Австрии и Пруссии, что ослабило обеих и укрепило Германию, Италию и Японию. Вторая мировая война положила конец их могуществу, выдвинув в мировые лидеры США и СССР. Для них стало возможным получать дополнительное влияние от поддержки суверенных государств на всех континентах (даже Европа была поделена на Западную и Восточную), обеспечивающих покровителю преимущества привилегированного партнерства – мир стал биполярным. После распада Советского Союза в 1991 г. Соединенные Штаты стали единственной сверхдержавой современного мира, уже более полувека «просперити» пользовавшейся привилегиями уникального положения (контроль мировой экономики с помощью ее либерализации и мировой валюты, создание ядерного оружия и системы его нераспространения и др.) и способной развивать свое преимущество во вновь открывающихся перспективах. Между тем, возможно, парадоксом развития единоличной гегемонии США стало ее истощение по ряду причин: через непосильные расходы на поддержание мирового господства во всех сферах и регионах, отказы союзников делить эти расходы, отсутствие практической возможности вывести на мировую арену новых пригодных этим целям игроков, подрыв авторитета международных организаций (начиная с ООН и НАТО), низкую маневренность собственной пирамиды власти и, наконец, дальнейшее увеличение самостоятельности конкурентов, у которых на фоне усиления хаоса действий в самостоятельной и тоже произвольной манере складываются свои отношения с национальными, наднациональными и субнациональными игроками мировой политической системы.

Между тем, дискуссии вокруг конфигурации мирового порядка начались уже с распадом СССР и окончанием «холодной войны» – на основании разрушения системы биполярного противостояния. Существуют «две основные точки зрения на новую систему международных отношений: мир стал монополярным (однополярным/однополюсным, или униполярным); мир стал многополярным (многополюсным), где выделяется несколько центров силы» [1, с. 32]. У научного плюрализма в этом вопросе есть эмпирические основания: «циклическая закономерность развития международных отношений... (хоть бывают и исключения)» предполагает переход однополярной ее структуры в многополярную, затем в биполярную и вновь в однополярную. И хотя время существования каждой структуры не фиксировано, «важна закономерность и последовательность смены структур» [1, с. 33]. «В начале XIX в., если ограничиваться международными политическими процессами в рамках Европы, однополярная система (доминирование

Франции) после Венского конгресса (1815 г.) сменилась многополярной (США/Англия – Германия/Италия/Япония/СССР: 1937–1941 гг.), которая после Второй мировой войны перешла в биполярную международную систему (прежний советский и западный блоки: 1950–1990 гг.). Поражение советского блока заставило вновь перейти к однополярной системе международных отношений в мире. В соответствии с этой логикой, в XXI в. сегодняшний однополярный мир сменится биполярностью, которая... перейдет в многополярность» [1, с. 33].

Цикличность вероятнее всего не случайна, поскольку основана на ряде закономерностей. Во-первых, «становление нового мирового порядка всегда происходит с известным опозданием относительно тех объективных процессов, которые связаны с изменениями в конфигурации международной системы» [1, с. 32]. Во-вторых, на этом фоне имеет место снижение управляемости конкретной системы и развитие противоречий, вызванных комплексом порожденных ею факторов. В-третьих, по всей видимости, имеет значение степень хаотизации системы международных отношений, обусловленная количеством субъектов, способных ее контролировать. Дело в том, что и разрушение, и укрепление сложившейся ранее мировой иерархии обостряют противоречия между властными структурами и создают возможность для некоторых государств развиваться за счет остальных. Реакция противодействия последних формирует так называемые асимметричные угрозы и состояние неопределенности национального государства как основного современного института власти [4, с. 5–7]. И наконец, принято считать, что системе международных отношений анархия присуща априори и речь может идти лишь о некоторых ее ограничениях в пространстве и во времени. Возможно, поэтому она нуждается в консолидации факторов упорядочения в интересах субъектов.

Как любая система, мировой порядок тяготеет к самодостаточности, образованной автономной вертикальной и горизонтальной интеграцией элементов и способностью взаимодействия с другими системами и подсистемами (такowymi выступают природа, культура, суверенные политические структуры, их субъекты и др.). Тем самым задача укрепления связей развивающихся элементов предполагает формирование механизмов подчинения части целому – единых принципов организации и централизации.

Политическая централизация конца XVIII в. на уровне национального государства, вероятно, была исторически оправданной: объединение значительных территорий суверенными государствами послужило прообразом «однополярной гегемонии» мировой системы наступающей эпохи глобализации. Их формирование было обусловлено потребностью укрепления порядка – создания соответствующих механизмов воздействия на социальные отношения. «Империи нового времени, выполняя глобальную цивилизационную функцию, решали задачу... насильственной консолидации различных регионов мира, что явилось важным шагом на пути объединения мира и человечества. Имперские отношения обеспечивали кроме того ускоренное развитие наций-государств, которые выступали в роли имперского центра двигателем прогресса» [2, с. 45].

Вестфальский порядок провозгласил фундаментальным принципом

международных отношений главенство нации-государства как «субъекта власти, который базируется на принципах государственной территориальности и государственной суверенности» [2, с. 45]. На его основе сформировалась система конституционно независимых государств, властные функции которых были территориально ограничены и организованы. «Пространственное оформление политической власти (суверенитета) и ее ограничения границами национального государства радикально изменило организацию политической жизни... на определенной территории. Именно развитие государственной территориальности и государственной суверенности привело к консолидации управления... в единую структуру публичной власти, возникновения централизованного государства с властной вертикалью и порожденной ею иерархией» [2, с. 45].

Произвол и сила в отношениях между территориальными субъектами уступили место идее государственного суверенитета, гарантированного правом, что стало источником целого ряда современных внешнеполитических реалий и их новейших проявлений – политических принципов нерушимости границ, невмешательства государств во внутренние дела других и признания государства другими «самостоятельным, независимым полноправным субъектом международных отношений» [2, с. 46]. Суверенитет стал источником права и установил необходимый для субъектов международных отношений порядок выражения и реализации интересов, а также институционального единства их политической и неполитической организации. Поэтому важнейшим институтом и механизмом самоорганизации общества выступило государство – благодаря обеспеченной суверенитетом способности к автономному развитию и властному функционированию.

Унификация властных инструментов, консолидация ресурсов и легализация принципов и процедур управления стали необходимыми из-за неизбежной и практически неизменной анархии международных отношений, – будь она «беззаконной», «относительной» либо «упорядоченной» [5, с. 89]. Анархия имела место и при становлении Вестфальского порядка, и при его нынешнем расшатывании. Дело в том, что, как принято считать, мировая политика хаотична в принципе, поскольку в ней проявляют себя непредсказуемые в действиях и необязанные к их легитимации «центры силы» – нации-государства, а также субъекты транснационального и субнационального уровня. Они и определяют тенденции развития мировой политики «в двух временных измерениях – цивилизованном и первобытном. В одном из них, внутригосударственном, царствуют закон и порядок... в другом, межгосударственном, – сила и анархия (и общие для всех правила игры считаются невозможными даже теоретически)» [5, с. 89].

В основе «неестественной раздвоенности», которой «нет и не может быть альтернативы» [5, с. 89], лежит общая закономерность – необходимость построения четких форм организации, упорядочения и контроля внутригосударственных отношений. Иное недостижимо, анархический произвол интересов преодолим только на внутригосударственном уровне через установление правовых позиций суверенитета для достижения внутреннего и внешнего аспектов порядка. Но опять лишь в пределах суверенной территории, вне которой легальный порядок утрачивает

силу, неподкрепленный верховной властью единого верховного субъекта и гарантиями его влияния. Во внешних отношениях нет, во-первых, «ничьей» территории, а во-вторых, субъекта, в ее пределах превышающего в полномочиях носителя суверенитета – извечного двигателя Вестфальского порядка. Поэтому и мировая политика, стремясь к порядку, способна преодолеть хаос лишь в одном из направлений – расширяя территорию и суверенные возможности национального государства. «Господство силы» и «абсолютного верховенства национальных интересов» – две стороны и норма Вестфальского порядка и причина «обоожествления» национального суверенитета [5, с. 92–93]. Возможно, достижение этих двух целей (в идеале – обеих) послужило главной причиной образования огромных империй и древности, и новейшего времени – сделать управляемой максимальную территорию или стать «однополярным» гегемоном, чтобы человечеству не «подчиняться... роковому маятнику, постоянно колеблющемуся между гегемонией и анархией» [5, с. 90].

Средневековые периоды феодальной раздробленности решало компромиссом между центральной властью и феодальными баронами: предлагалась своего рода многополярность, противостоящая «гегемонии королей». Решение было достигнуто Великой хартией вольностей Англии 1215 г. – «упразднение произвола власти» с помощью «коллегиальной модели государственности» [5, с. 91]. «Множественность „центров силы”» и «борьба против „однополярной гегемонии”... ведет лишь к увековечиванию международной анархии», и «решение... этой „однополярно-многополярной” контрверзы – только во внутригосударственном строительстве» установлением «„однополярной” диктатуры» «гегемонии королей» «в противовес „многополярной” анархии» [5, с. 90]. Тем самым укреплением Вестфальского порядка и территориальным распространением его принципов воцарилось абсолютное верховенство национальных интересов – через примат национального суверенитета. Но оно определяет и борьбу за преобладание факторов порядка как максимизацию влияния посредством расширения суверенной территории. Поэтому исторически «сокрушение однополярной гегемонии Наполеона» неизменно приводило либо к появлению нового гегемона, либо к международной анархии [5, с. 90]. А поскольку «упразднения произвола власти» имеют возможность добиваться «народы многих стран», проявляется некая «потенциальная способность избавить мир от международной анархии» [5, с. 91]. На практике же укрепление порядка вновь и вновь происходит через распространение влияния суверенных институтов на доступную территорию – политический передел мира сильнейшими государствами, утверждение их в статусе мировой державы. Так, меняются лишь субъекты-носители международной анархии, объекты их притязаний и возможности распространения влияния – национальные и международные.

Порождением самовоспроизводства «однополярно-многополярной контрверзы» стала глобализация как преобладающая современная тенденция развития международных отношений. Сформировавшись как устойчивое явление в XVIII в., то есть одновременно со становлением процессов политической централизации на уровне национального государства, регионализацией, увы, она до сих пор не

послужила созданию глобальной целостности государств и обществ, и «все попытки упорядочивания системы международных отношений на принципах равноправия порождают лишь эскалацию хаоса и насилия... Некоторые даже определяют сущность глобализации через утрату полномочий национальным государством» [4, с. 6]. Между тем, причины глобализации видятся, как говорилось выше, именно в укреплении суверенных институтов национального государства.

И вероятно, природа глобализации экономическая – главными участниками интернационализации как явления на протяжении трех столетий «являются национальные экономики, политически организованные в форме государств» [6, с. 3]. И в свете названных общих политических тенденций почти на всем протяжении этого периода «они отстаивали свои экономические интересы силовыми методами: либо захватывали чужие территории, превращая их в колонии, либо заставляли соседние и более отдаленные страны идти на экономические уступки под угрозой применения силы. Вся вторая половина XVII в. изобиловала войнами между Англией и Голландией за доминирование на мировых рынках. В XVIII в. такого рода войны велись не только между ними... Рецидивы такого способа достижения целей докатились до XX в. и в двух мировых войнах обрели невероятную разрушительную силу. Это заставило мировое сообщество искать иные способы умножения и перераспределения экономических благ, хотя альтернатива насилию существовала очень давно в виде международной торговли, где такое перераспределение осуществляется по законам рынка. Но этот механизм окончательно вытеснил силовые методы и стал основным лишь с середины прошлого столетия. В таких условиях интернационализация хозяйственной жизни обрела две качественно новые формы – регионализацию и глобализацию» [6, с. 3]. Поэтому политическая глобализация была в XX в. закономерным итогом «консолидации, легализации, легитимации и унификации инструментов» [7, с. 118] властного воздействия на экономическое пространство в пределах суверенных границ. Согласно же неоконсервативной теории, защищающей необходимость государственного контроля глобальных процессов, для реализации выгоды последних, «в конце XIX в. ... как и сейчас, причинами экономической глобализации были технические и политические факторы... В основе развития лежала свободная торговля, двигателем которой с середины XIX столетия... был... рост европейских колониальных империй... втягивавший в глобальную политическую и экономическую сеть в той или иной мере все континенты... Возобновление процесса глобализации в конце XX столетия также обусловлено техническими и политическими факторами... средствами современных коммуникаций... для международной конкуренции» [8, с. 491–492].

Так подтверждается тезис о сохранении закономерностей глобализации при увеличении географического масштаба и возможностей участников. «Основы суверенитета, считают они, сегодня подрываются „безудержным стремлением к прибыли“ „беспрецедентно ликвидного“ глобального капитала и „национально-государственной стратификацией политической реальности“ – неуправляемыми проявлениями глобализации» [7, с. 116]. Таким образом, приходится согласиться с предупреждением М. Тэтчер, что «следует с подозрением относиться к планам

глобального регулирования, которые слишком явно свидетельствуют о преследовании определенных интересов» [8, с. 489]. Хотя надо признать, что, лишённые поддержки и возможностей мировых держав, они, вероятно, не имели бы шансов на изменение расстановки политических сил и приоритетов.

Итак, конфигурация современного мирового порядка обусловлена объединением разнонаправленных тенденций развития интеграции и дезинтеграции – глобализации и регионализации, что отражает наличие закономерных объективных противоречий внутри системы международных отношений и проявляется практически во всех регионах мира. Процессы глобализации развиваются на основе присущего действующему Вестфальскому мировому порядку пространственно-территориального оформления суверенитета и выражают политические и экономические интересы национального государства как основного субъекта международных отношений. Глобализацией в свою очередь обусловлены процессы расшатывания Вестфальского порядка и формирования превосходства отдельных государств как центров силы – возможностей распространения их влияния за пределы собственных границ и дальнейшего использования полученных привилегий в международных отношениях. Потребностям стабильности глобализованного политического пространства в наибольшей мере отвечает однополярная модель мирового порядка. Поэтому в обозримом будущем представляется вероятным ее сохранение в нынешнем виде либо воссоздание посредством воспроизводства циклических процессов.

Литература:

1. *Зуб О.* Стратегія національної безпеки України – шлях до посилення системи колективної безпеки в регіоні та світі: від теорії до практики / О. Зуб // Політика і час. – 2007. – № 5. – С. 32–37.
2. *Ялі М.* Занепад «Вестфалії», або еволюція інституту нації-держави під впливом глобалізації / М. Ялі // Політика і час. – 2007. – № 6. – С. 45–48.
3. *Раздина Е. В.* Трансформация национального государства в мировой системе институтов власти под влиянием процессов глобализации / Е. В. Раздина // Гуманітарний часопис. – 2010. – № 2(23). – С. 121–127.
4. *Мариносян Х. Э.* Национальное государство. Проблемы и перспективы в эпоху глобализации / Х. Э. Мариносян // Философские науки. – 2008. – № 8. – С. 5–24.
5. *Янов А.* ЕС как новая модель государственности / А. Янов // МЭМО. – 2007. – № 7. – С. 89–94.
6. *Шишков Ю.* Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение? / Ю. Шишков // МЭМО. – 2008. – № 8. – С. 3–20.
7. *Раздина Е. В.* Суверенитет как феномен глобализованного политического пространства / Е. В. Раздина // Гуманітарний часопис. – 2010. – № 4. – С. 114–121.
8. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / М. Тэтчер ; пер. с англ. – М. : Альпина Паблицер, 2003. – 504 с.